

ПРОФИЛЬ

«Уйти нельзя остаться»

21. АПРЕЛЯ 2008

— **Дмитрий Ефимович, процесс передачи власти от Путина к Медведеву настолько противоречив, что многие до сих пор не поняли — уходит Путин или остается?**

— Решение Путина не идти на третий срок выходит за рамки традиций передачи власти в большинстве постсоветских стран. Тем более что чаще всего это как раз традиция непередачи власти. Есть очень много примеров, когда президенты, строя властную вертикаль и управляемую демократию, продлевали сроки своего пребывания у власти по принципу: если Конституция меня не устраивает, тем хуже для Конституции. Путин же сделал шаг в противоположном направлении — в сторону соблюдения Конституции. А соблюдение Конституции при нашей системе власти дело довольно необычное.

— **Ваша версия: почему Путин не пошел на третий срок?**

— Можно отнести это к каким-то свойствам его личности, к его индивидуальной системе ценностей. Но есть, я думаю, и еще один немаловажный аспект. Часто так бывает, что сквозь чисто личные свойства и вроде бы детерминированные только ими поступки людей проступают какие-то глубокие особенности общества. В этом смысле дело, может быть, не только в том, что Путин — не Назарбаев и не Каримов, но и в том, что Россия — не Казахстан и не Узбекистан (а также не Белоруссия, Туркмения, Таджикистан и т.д.). Путин — русский человек, человек русской культуры. А русская культура ориентирована на Запад.

Россия как государство минимум с XVIII века принадлежит к «концерту» великих европейских держав. Сама идея, что мы обычная страна третьего мира, для нас совершенно неприемлема, само сравнение нас с Казахстаном и Узбекистаном — унижительно. И в этом смысле за отказом Путина от третьего срока, очевидно, стоит такое же его нежелание ощущать себя обычным, нормальным «третьемирским» президентом, как нашему обществу в целом не хочется ощущать себя просто страной третьего мира, каких десятки. Ему также важно быть «европейским политиком», как и нашему обществу хочется считать себя «Европой». Так что моя версия заключается в том, что стремление Путина соблюсти Конституцию не объяснимо логикой системы, но объяснимо «логикой культуры».

Однако при этом Путин делает массу шагов, которые фактически дезавуируют его решение об уходе. Например, когда он говорит о «дембеле», у меня возникает ощущение, что он говорит искренне: он действительно устал, как он сам выразился, «работая как раб на галерах». Но одновременно он становится не просто премьер-министром, но еще и председателем партии «Единая Россия». Можно ли при таком объеме полномочий говорить о полноценном «дембеле»? Скорее нет, чем да.

— **Почему же он так поступает? Часто можно услышать: тот факт, что Путин становится премьер-министром, а теперь еще и лидером партии, делает его уход весьма виртуальным, а возможности нового президента — весьма условными...**

— Это сложный вопрос... Если бы дело ограничивалось только властолюбием, он мог бы просто поменять Конституцию и остаться на третий срок. Назарбаев, который так и сделал, как вы помните, очень советовал Путину перестать «валить дурака» и изменить Конституцию. Так что здесь дело не просто во властолюбии. Мне кажется, Путиным движет почти патологический страх дестабилизации, которая в какой-то мере всегда сопровождает смену власти. Любая неопределенность по поводу того, кто реальный «хозяин», кто «царь», чревата пресловутым «расколом элиты» и включением в политический процесс более широких слоев населения, у которого появляется что-то вроде возможности выбора. Именно поэтому, чтобы не допустить борьбы за «престол» и не дестабилизировать страну, чтобы не возникло «щелей во власти», в которые может хлынуть невесть что, Путин проводил сложнейшую, глубоко законспирированную операцию, включавшую множество «ложных ходов» и с определением своего преемника, и с определением своего будущего положения. Фактически сейчас эта игра продолжается: «я и ухожу, я и не ухожу» — никто до конца не понимает, что Путин имеет в виду. Путин, с одной стороны, сделал решительный шаг, с другой стороны, сделал все, чтобы этот шаг был предельно «гладким», чтобы общество ни на минуту не почувствовало ослабления власти.

— **Напоминает знаменитое «казнить нельзя помиловать»: «уйти нельзя остаться»...**

— Совершенно верно. С одной стороны, Путин опасается дестабилизации и поэтому не уходит. Но с другой — он понимает, что по уровню концентрации власти мы быстро и

планомерно приближаемся к узбекской модели. Путин достаточно умный человек, чтобы понимать это. А вот этого-то он как раз и не хочет.

Наличие этих страхов и порождает эту, на первый взгляд странную, поведенческую линию. С одной стороны, он уходит, потому что в противном случае это шаг в сторону Узбекистана. С другой стороны, он при помощи массы условий и ограничений фактически остается, поскольку иначе возбуждаются ожидания перемен, усиливается борьба в правящей верхушке, появляется риск возникновения спонтанности, неконтролируемых процессов. Такая двойственность также очень укоренена в русской культуре:

«европейские» и прогрессистские стремления власти всегда ограничивались одним — боязнью неуправляемости, страхом хаоса. На мой взгляд, в этом особенность русской политической культуры, которая вновь и вновь воспроизводится.

Но хотя своим одновременно и уходом и неуходом, сосредоточением в своих руках полномочий и премьера, и главы «Единой России» Путин стремится сделать смену лиц у власти «незаметной», максимально «гладкой», все равно возникает новая ситуация со значительной степенью неопределенности и возможностью разных альтернативных исходов.

— Но кто в этой ситуации станет реальным первым лицом страны после 7 мая?

— Предугадать, как оно будет на самом деле, не просто. Перенос центра лояльности с президента на премьера — дело крайне сложное, может быть, даже бесперспективное. Все-таки русское сознание по-прежнему монархическое. В рамках этого сознания укоренено представление, что царь один. В наше время царь — это президент. Премьеры в таком качестве никогда не осознавались. Даже если этот премьер — лидер «Единой России», которая, если называть вещи своими именами, в качестве самостоятельной силы, а уж тем более источника дополнительной легитимности, в массовом сознании никогда не воспринималась. С другой стороны, премьерство Путина и его председательство в «Единой России» объективно будут ограничивать власть его преемника. Появляются две власти, два центра силы, что для нас совершенно необычно и противоречит нашим привычкам.

— Путин сознательно пошел на такое усложнение задач, стоящих перед ним, или просто что-то не просчитал?

— Трудно сказать: чужая душа вообще потемки, а Путин к тому же и сам по себе человек очень скрытный. Конечно, он далеко не все может просчитать. Путин ведет сложнейшую шахматную партию, и объяснить эту партию обычными примитивными «президентскими инстинктами», направленными на захват все большей власти и ее максимальное продление, так же невозможно, как невозможно объяснить такими инстинктами горбачевскую перестройку. Но сказать, как он видит будущее, к чему он реально стремится, совершенно невозможно.

— Шаги, которые предпринимает Путин, усложняют систему?

— Безусловно. По крайней мере, на ближайший период система обещает быть сложной. И это весьма позитивно, потому что более сложная система способствует принятию более сложных — то есть учитывающих большее количество параметров — решений. Еще один плюс — система становится более правовой. Происходит формализация отношений между двумя первыми лицами страны — появление норм, в соблюдении которых заинтересованы не абстрактные «общественные силы», а вполне конкретные и авторитетные властные игроки. Возникает некоторое разделение властей — не формальное, закрепленное в Конституции, а фактическое — между реально существующими центрами силы, коими являются Владимир Путин и избранный президент. Если хотите, это шаг к плюрализации власти.

Кроме того, Путин подает пример на будущее, формулирует норму президентского поведения. Это тоже важно: дело в том, что отношения вокруг президента, о котором заранее известно, что он больше восьми лет никак не будет находиться в одном и том же кресле, сами по себе отличаются от отношений вокруг лидера, о котором думают, что он пришел «навсегда» — на сколько захочет или пожизненно. Это в принципе иная, несколько более свободная система, которая может облегчить нам неизбежный в дальнейшем переход к полноценной демократической системе, когда власть будет передаваться не из рук в руки, а возникать из конкуренции на реально альтернативных выборах. Но закрепление подобной сложной системы будет наталкиваться на громадное противодействие со стороны бюрократии да и со стороны народных масс.

— Почему?

— С бюрократией все ясно. Бюрократическая система держится на четкой иерархии. Чиновнику надо четко знать, кто его начальник и от кого зависит его карьера.

— Может в этих условиях сама бюрократия взять и решить, кто на ее вкус является главным?

— В ситуации двух центров власти одна часть бюрократии будет делать ставку на Путина, а другая — на Медведева. Это неизбежно. И того, и другого будут подталкивать к тому,

чтобы ликвидировать эту двойственность, вернуться к нормальной ситуации единовластия.

— А упомянутые вами народные массы — им что не нравится в более плюралистичной модели?

— Что касается народных масс, то давайте не забывать, что Россия уже многие столетия существует в условиях неограниченной власти одного лица — причем не ограниченной ни по времени, ни по ресурсам. Это глубокая привычка нашего сознания. И любой отход от этого воспринимается как нечто болезненное, мучительное и поэтому по возможности отторгается. Возможное двоевластие неудобно и болезненно для русского массового сознания, которое всегда стремится избавиться от раздражающей его ситуации «двух царей» (если есть два царя, то один из них — «ненастоящий», самозванец). В этом отношении психология народа не так уж отличается от психологии бюрократии.

Возникающая сейчас система противоречит нашим привычкам, нашей психологии. Но если что-то противоречит привычкам, неудобно, это отнюдь не значит, что это — плохо, а привычки — хороши...